

Народная традиция и европейский жанр в современной малой прозе Мозамбика

© Кузнецова В.А., 2023

Варвара Александровна Кузнецова, научный сотрудник, Институт Латинской Америки РАН.
115035, Москва, ул. Большая Ордынка, 21/16
ORCID: 0000-0001-7875-1398 E-mail: variaroll@inbox.ru

Аннотация. Обращение к фольклорной традиции характерно для лузофонной литературы африканских стран, представляя собой одну из наиболее успешных стратегий конструирования культурной и, как следствие, национальной идентичности. На материале одного из рассказов современного мозамбикского писателя Алдину Муйанга прослеживается симбиоз европейской культурной матрицы, неотделимой от языка, на котором создано произведение, и устного наследия народа Мозамбика. Рассказ «Роза Мария» входит в дебютный сборник этого автора «Шитала Мати», основным материалом для которого стали фольклорные «страшные истории» о колдовстве и оживших мертвецах. И если в своём дальнейшем творчестве Муйанга сфокусируется на остросоциальных сюжетах колониального прошлого и постколониального настоящего, то в мире «Шитала Мати» практически нет места белым: здесь взаимодействуют не колонизаторы и колонизируемые, а люди и духи. Текст «Розы Марии» наполнен многочисленными «условными знаками», при помощи которых в парадигме традиционной культуры народов Мозамбика мир мёртвых общается с миром живых. Одновременно «Роза Мария» демонстрирует мотивы и образность, характерные для готической новеллы, пусть переосмысленной и модифицированной в соответствии с африканскими реалиями. Такие компоненты поэтики, как встреча с инфернальным в образе прекрасной девушки, мрачный колорит, поддержанный пейзажем и зловещими животными, типичный для литературной готики интерес к эмоциональным реакциям персонажей, позволяют увидеть в «Розе Марии» жанровый гибрид, корни которого стоит искать как в европейской литературной традиции, так и в народных преданиях Мозамбика.

Ключевые слова: Африка, Мозамбик, литература, фольклор, готическая новелла

Для цитирования: Кузнецова В.А. (2023) Народная традиция и европейский жанр в современной малой прозе Мозамбика. *Ибероамериканские тетради*. № 3. С. 131–145. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-3-131-145

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Tradição popular e o género europeu na ficção curta moderna de Moçambique

© Kuznetsova V.A., 2023

Varvara A. Kuznetsova, investigadora, Instituto de América Latina de ACR.
115035, Rússia, Moscovo, rua Bolshaya Ordynka, 21/16
ORCID: 0000-0001-7875-1398 E-mail: variaroll@inbox.ru

Resumo. O artigo explora o papel da tradição folclórica em curta ficção de Moçambique moderno. Analisando um dos contos de Aldino Muianga observamos a simbiose entre a matriz cultural europeia, inseparável da língua na qual a obra foi escrita, e a herança oral do povo moçambicano. O conto «Rosa Maria» está incluído na coletânea «Xitala Mati» que foi estréia do autor e que teve como principal fonte de material as folclóricas «histórias de terror» sobre feitiçaria e mortos-vivos. Enquanto no seu trabalho posterior Muianga se concentra em agudos temas sociais do passado colonial e do presente pós-colonial, no mundo de «Xitala Mati» praticamente não há lugar para os brancos: não são os colonizadores e colonizados que lá estão interagindo, mas seres humanos e espíritos. O texto da «Rosa Maria» está repleto de numerosos «sinais» através dos quais, no paradigma da cultura tradicional dos povos moçambicanos, o mundo dos mortos se comunica com o mundo dos vivos. Ao mesmo tempo, «Rosa Maria» mostra os motivos e imagens característicos da novela gótica, embora reinterpretada e modificada de acordo com as realidades africanas. Componentes da poética, como o encontro com o infernal personificado em uma bela mulher, ambiente sinistro apoiado pela paisagem e animais associados com mau augúrio, o típico para a literatura gótica interesse em reações emocionais dos personagens, permitem ver no conto «Rosa Maria» um híbrido de gêneros cujas raízes tem que buscar tanto na tradição literária europeia quanto na herança popular moçambicana.

Palavras-chave: África, Moçambique, literatura, folclore, novela gótica

Para citar: Kuznetsova V.A. (2023) Tradição popular e o género europeu na ficção curta moderna de Moçambique, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 3, pp. 131–145. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-3-131-145

Declaração de divulgação: A autora declara que não existe nenhum potencial conflito de interesses.

Folklore Motifs in Contemporary Short Fiction of Mozambique

© Kuznetsova V.A., 2023

Varvara A. Kuznetsova, researcher, Institute for Latin America of RAS.
115035, Russia, Moscow, Bolshaya Ordynka street, 21/16
ORCID: 0000-0001-7875-1398 E-mail: variaroll@inbox.ru

Abstract. The article explores the role of folklore tradition in the short prose of modern Mozambique. The symbiosis of the European cultural matrix, inseparable from the language in which the work is written, and the oral heritage of the Mozambican people is analyzed on the material of one of Aldino Muianga's short stories. The story «Rosa Maria» is included in the author's debut collection «Xitala Mati», the main material for which became the folklore «scary stories» about witchcraft and the living dead. And while in his later works Muianga focuses on acute social plots of the colonial past and post-colonial present, in the world of «Xitala Mati» there is practically no place for white people: it is not colonizers and the colonized that interact there, but it is people and spirits. The text of «Rosa Maria» is filled with numerous «conventional signs» by means of which, in the paradigm of the traditional culture of the peoples of Mozambique, the world of the dead communicates with the world of the living. These signs are intuitive to the African reader, while the European must identify and decipher them. At the same time, «Rosa Maria» shows motifs and imagery characteristic of the Gothic novel, albeit reinterpreted and modified to suit African realities. Such components of the poetics as the encounter with the infernal in the image of a beautiful woman, the gloomy colouring supported by the landscape and ominous animals, and the interest in the emotional reactions of the characters, typical of Gothic literature, allow us to see in «Rosa Maria» a hybrid genre, the roots of which should be sought both in the European literary tradition and in the folk tales of Mozambique.

Key words: Africa, Mozambique, literature, folklore, gothic novel

For citation: Kuznetsova V.A. (2023) Folklore Motifs in Contemporary Short Fiction of Mozambique, *Iberoamerican Papers*, no. 3, pp. 131–145. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-3-131-145

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Обращение к фольклорной традиции характерно для лузофонной литературы африканских стран, представляя собой одну из наиболее успешных стратегий конструирования культурной и, как следствие, национальной идентичности.

В советской и российской португалистике произведения писателей из Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау, Кабо-Верде и Сан-Томе и Принсипи привлекали внимание исследователей ещё со времён борьбы с колониальной зависимостью — монография Е.А. Ряузовой «Португалоязычные литературы Африки» вышла в 1972 г. [Ряузова, 1972]. В статье А.В. Родосского «Португалоязычные литературы Африки в русских переводах» анализируется «литературная политика» Советского Союза применительно к бывшим колониям Португалии, воплотившаяся в поэзии и прозе лузофонных писателей Африки на русском языке [Родосский, 2014: 83]. Автор объясняет свойственное постсоветскому периоду угасание интереса к литературе этих стран политическими переменами, «перекроившими» мир и сместившими приоритеты государства.

Тем не менее в российской науке советская традиция переводов и исследований африканской литературы не была прервана и к новой смене политической конъюнктуры мы подошли с определённым «заделом». В частности, писателям из Мозамбика в последние годы был посвящён ряд публикаций: М.М. Мазняк «“Чёрное” и “белое” в рассказе Миа Коуту “Путешествие слезливой кухарки”». Парадигматические элементы постколониального дискурса» [Мазняк, 2016], В.А. Кузнецовой и М.М. Мазняк «Афропортугальская постколониальная библиотека: трансатлантические перспективы» [Кузнецова, Мазняк, 2021], М.Ю. Десятовой «Мир Африки в португалоязычной литературе и трудности перевода» [Десятова, 2015].

Писатели Мозамбика в лузофонном мире действительно заметны и признаны. Первым африканским автором, удостоенным премии Камоэнса, стал главный поэт страны Жозе Кравейринья¹ (José Craveirinha, 1922–2003). Мозамбик дал португалоязычной литературе Миа Коуту² (Mia Couto, р. 1955),

Африканский батик — ручная роспись по ткани

¹ На русском языке опубликованы поэтический сборник «Жозе Кравейринья. Избранное» и рассказ «Мамана Фаниссе». — *Прим. авт.*

² На русском языке опубликованы роман «Божьи яды и чёртовы снадобья», сказка «О коте и темноте», рассказы «Путешествие плакучей кухарки» и «Услужливый грабитель». — *Прим. авт.*

чей роман «Сомнамбулическая земля» («Terra Sonâmbula», 1992) был признан одной из двенадцати лучших книг Африки в XX в. Это в значительной степени расширило читательскую аудиторию мозамбикских авторов и привлекло к ним внимание исследователей по ту сторону Атлантики — в Бразилии, которая всё активнее берёт на себя роль лидера в изучении постколониальной литературы лузофонной Африки и Азии. Характерно, что 71% диссертаций, посвящённых творчеству Жозе Кравейринья в первые два десятилетия XXI в., защитили в бразильских университетах [Xavier, 2022: 32].

И если португальцы изначально рассматривали тексты, созданные в колониях, как часть общего, замкнутого на метрополию процесса, отказывая им в художественной «независимости», то бразильские учёные оказались «способны посмотреть на африканскую литературу “извне”, при этом избегая европоцентричной позиции и связанных с ней неизбежных оптических искажений» [Кузнецова, Мазняк, 2021: 71]. Дополнительным импульсом для развития интеграционных исследований в различных областях гуманитарного знания — литературоведении, антропологии, социологии, культурологии — стал принятый в 2003 г. закон № 10.639, называемый «закон Африка», предписывающий обязательное изучение в бразильских школах африканской культуры и истории. Возрос интерес к современной литературе лузофонной Африки, воплотившийся в многочисленные издательские проекты [Кузнецова, Мазняк, 2021: 74].

Помимо взгляда извне, на африканскую литературу направлен взгляд изнутри. Обращают на себя внимание исследования мозамбикского литературоведа Франсишку Ноа [Noa, 1997; Noa, 2015, Noa 2017], в 2023 г. ставшего членом Лиссабонской академии наук. Португалия признала «автономию» африканских литератур, но продолжает в той или иной мере удерживать их в своей орбите.

Сегодня литература Мозамбика — это обширное пространство, в котором можно двигаться в разных направлениях, в том числе исследуя симбиоз европейской культурной матрицы, которая неизбежно пришла «в комплекте» с языком колонизаторов, и африканской фольклорной традиции, так или иначе — будь то сюжет, художественные приёмы или отсылки к народным обычаям и верованиям — присутствующей в творчестве многих писателей современного Мозамбика.

Согласно определению, выработанному экспертами ЮНЕСКО, фольклор — это «коллективное и основанное на традициях творчество групп или индивидуумов, определяемое надеждами и чаяниями общества, являющееся адекватным выражением их культурной и социальной самобытности» [Дранникова, 2015: 42]. Фольклор многообразен и включает в себя как язык, устную литературу и мифологию, так и музыку, обряды, ремёсла и многое другое.

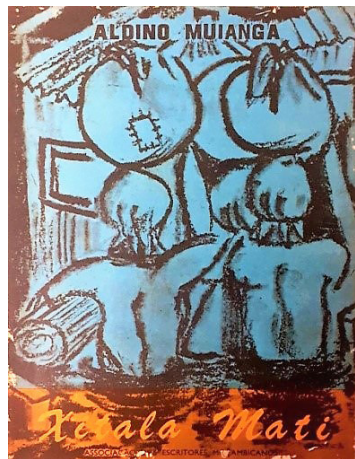
Сама форма малой прозы — сказка, притча, короткий рассказ, если не доминирующая, то очень важная в литературе независимого Мозамбика, может рассматриваться как дань фольклорной традиции, будучи неразрывно связанной с устным наследием населяющих страну народов.

«Мы, африканцы — прирождённые рассказчики. Это в наших генах. Мы общаемся друг с другом и передаём знания через короткие *estórias*³, обмениваясь случаями из жизни, присказками и поговорками. Мы так живём, это наш способ сосуществования, наше бытие» [Tigre, 2023]. Такое место отвёл короткому рассказу в жизни народа Мозамбика Алдину Муянга (Aldino Muianga, р. 1950) — современный писатель, в отличие от Мии Коуты, Луиша Бернарду Онваны⁴ (Luis Bernardo Honwana, р. 1942) и Жозе Кравейриньи, российскому читателю неизвестный.

В то же время в литературе Мозамбика сегодня он представляет собой достаточно заметную фигуру. Член Ассоциации писателей и основатель Ассоциации писателей-врачей Мозамбика, Муянга начал публиковаться в 1987 г. и к настоящему времени стал автором нескольких романов и сборников рассказов, удостоенных ряда премий, в том числе главной литературной награды страны: премию Жозе Кравейриньи Муянга получил в 2009 г. за роман «Правонарушение» (*Contravenção*, 2008).

Гриоты — сказатели и барды Западной Африки

Первое издание
«Шитала Мати»
А. Муянги. 1987

«Роза Мария» — «страшная история» или готическая новелла

Литературным дебютом Алдину Муянги стал сборник рассказов «Шитала Мати» («Xitala Mati», 1987)⁵, состоящий из тех самых народных *estórias*, поучительных и зачастую страшных. Это деревенский макабр, где обманутые мужья размахивают топором, а мертвецы оживают, чтобы отомстить расхитителям добра.

³ *Estória* — короткий рассказ или история, нередко выдуманные, с традиционным сказочным зачином *karingana* *ua karingana*. — Прим. авт.

⁴ На русском языке опубликован сборник рассказов «Мы убиваем паршивую собаку». — Прим. авт.

⁵ *Xitala mati* — район Мапуту (тогда Лоуренсу-Маркиш). — Прим. авт.

Мир этих историй очень локален: известно, что где-то рядом существует Йоханнесбург, шахты — туда мужчины уходят за лучшей долей, чтобы вернуться с туберкулёзом, увечьями и иногда действительно при деньгах. Изредка мелькают белые — водитель мусоровоза на свалке в рассказе «Машаниссе»⁶, одном из немногих, чьё действие из деревни перенесено в городское предместье. В «Наследниках» упоминается «колонизатор-захватчик», которому когда-то уступил земли умирающий вождь⁷.

Рассказ «Роза Мария», с одной стороны, совершенно органичен для «Шитала Мати». Это типичная «страшная история» о молодом парне по имени Мугану, который ехал ночью через лес, встретил девушку, подбросил её до деревни, условился о встрече и на следующий день выяснил, что год назад она умерла.

География здесь сужается ещё сильнее: есть селение побольше — Н' Киве, откуда выезжает в ночь главный герой, есть две деревни — Мбилене, его собственная, и Мукаше, где живёт Роза Мария, его мёртвая зазноба. Дорогой он одолжил ей куртку и едет затем в Мукаше, чтобы её забрать. На самом деле куртка — просто предлог. Парень чувствует, что между ними возникло взаимное притяжение.

Признаков времени практически нет, но можно предположить, что действие происходит до 1977 г., иначе в дороге Мугану думал бы не о злых духах, а о вооружённых людях⁸. Однако он не боится ни тех ни других: «Опасности на дорогах? Ему-то что за дело? В свой смертный час его бабка Нтитасе божилась: “Помрёшь стариком, сынок”. Однажды, изгоняя злых духов, она натёрла его мазями и напоила зельем из корней редких кустарников, затерянных в лесах»⁹.

Мугану, конечно, верит в силу бабкиных снадобий, но вообще не чужд скептицизма. Когда жители деревни сообщают ему, что с Розой Марией встретиться никак нельзя, он отказывается верить своим ушам: «Это всё старики наплели, им самим на тот свет пора»¹⁰. Убеждает его лишь куртка, лежащая на могиле¹¹.

Рассказывая на первый взгляд простую «страшную историю», «Роза Мария» стоит всё же несколько особняком среди других текстов «Шитала Мати» и неожиданно демонстрирует мотивы и образность, характерные для

⁶ Muianga A. Xitala mati. Moçambique. Associação dos Escritores Moçambicanos. 1987. P. 30.

⁷ Muianga A. Xitala mati... P. 53.

⁸ Год начала гражданской войны в Мозамбике. — *Прим. авт.*

⁹ Muianga A. Xitala mati... P. 72.

¹⁰ Ibid. P. 76.

¹¹ Мёртвая попутчица, которая одалживает предмет одежды и затем оставляет его на собственной могиле — это блуждающий сюжет. Его можно встретить как в современных городских легендах в разных частях света, так и в литературе, в частности, у Милорада Павича в «Блейзере цвета морской волны» (1973 г.). — *Прим. авт.*

готической новеллы, пусть переосмысленной и модифицированной в соответствии с африканскими реалиями. Если бы это было кино, то результат можно было бы назвать «адаптацией под местный рынок».

Пейзаж с самого начала повествования обещает, что будет страшно: «Тьма вокруг крошечная — хоть глаз коли. Мгла прилипла и смешалась с плотью вещей. Ни зги не видать. Лишь где-то вдали, в стороне Лангуа, где живут ловкие охотники на кротов, парит розово-жёлтый отсвет лесного пожара»¹². Перед встречей с таинственной попутчицей эффект усиливается: «Отсвет пожара со стороны Лангуа уже угас. Тьма стучается, мрачная и злобная. Будто молчаливые стражи, деревья застыли посреди леса»¹³.

Важную роль в нарративе «Розы Марии» играет проработанная романтическая линия с выраженным эротическим компонентом. В других рассказах «Шитала Мати» присутствует чувственность, но несколько иного рода — более приземлённая, карнальная, простая, как женщина, которая её вызывает: «Именно там я познакомился с Н`тавассе — обладательницей весёлой мордашки, внушительной груди и жаркого тела»¹⁴.

Н`тавассе, с точки зрения рассказчика, — женщина внешне привлекательная. Мугану не может ничего сказать об облике Розы Марии — он так её и не увидел. Влечение юноши к попутчице рождается как реакция на тайну: «Украдкой Мугану пытается разглядеть черты лица, скрытого складками ткани. Женщина чувствует, что за ней наблюдают, опускает глаза и поправляет накидку, так что различить можно только нос»¹⁵. Встреча с таинственной незнакомкой превращает простого деревенского парня верхом на упрямой ослице в благородного всадника, готового помочь прекрасной даме: «С рыцарским достоинством¹⁶ он снял куртку и накинул на плечи Розы Марии»¹⁷.

Мугану воспринимает свою попутчицу лишь слухом и осязанием: «Ухом он чувствует тёплое дыхание, слышит слова Розы Марии. Её груди откровенно прижимаются к его спине. Тела соприкасаются, покачиваясь от скачки. Так просто — как у давних любовников. Нарастает жар — он пьянит и сводит с ума»¹⁸.

Вернувшись в Мбилене, Мугану в ожидании встречи ведёт себя, как истинный романтический герой, погружившись «в тоску и томление — вот бы снова увидеть её, уже при свете дня различить её черты, почувствовать горячее дыхание!»¹⁹. Отправляясь в Мукаше ранним утром, влюблённый Мугану

¹² Muianga A. Xitala mati... P. 71.

¹³ Ibid. ... P. 72.

¹⁴ Ibid. P. 15.

¹⁵ Ibid. P. 72.

¹⁶ В оригинале *com serenidade dos cavalheiros*. — Прим. авт.

¹⁷ Muianga A. Xitala mati... P. 73.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid. P. 74.

видит мир как обещание счастья: «Солнечный свет понемногу разрывает белое покрывало мороси, окрашивая яркими цветами утренний пейзаж»²⁰. Прекрасными девушками кажутся ему деревья мандиоки, стоящие на въезде в селение Розы Марии.

Приближается развязка, которая превратит манящую ночную грёзу в пугающий призрак. Муйанга трансформирует один из обязательных элементов готической новеллы — зловещее пространство, которое делают таковым тлен, разрушение, упадок [Водолажченко, 2015: 69]. Вместо романтических развалин средневекового замка перед глазами героя «Розы Марии» возникают «...остовы соломенных хижин... Эти руины — свидетели славы процветавшего некогда селения Нкиньяне. Время его не пощадило»²¹.

Пейзажи Мозамбика

Зловещее пространство не обходится без зловещих животных — тоже африканских. Неподалёку от могилы Розы Марии «чешуйки чёрной мамбы, лениво ползущей мимо, поблёскивают тусклой зеленью»²². Но только ли «атмосферы ради» ядовитая змея пересекает дорогу Мугану?

Мёртвые в мире живых

Историю можно прочесть несколько иначе, если увидеть и расшифровать «условные знаки» народных верований и традиций, рассыпанные по тексту и без каких-либо пояснений очевидные для африканского читателя. Мог ли Мугану с самого начала понять, что попутчица пришла из другого мира? В тексте намёков достаточно.

Рассказ начинается с того, что Мугану принимает рискованное решение ехать через лес ночью, чтобы побыстрее добраться домой. Рискованное — потому что «Мугану знает: если осёл артачится или собака лает, как умалишённая, — они чуют чертовщину. Как не знать! Но штука в том, что Н'Киве остался далеко позади, обратно поедет только помешанный. И, что ещё хуже, отец Нгомане не на шутку встревожится, если увидит, что он не приехал этой ночью. Ведь сказал же на прощание: “Поберегись, на дорогах полно напастей — там, где не ждёшь”»²³.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid. P. 76.

²² Ibidem.

²³ Ibid. P. 71.

Чего или кого так боится отец Нгомане? Возможно, «лесных духов» — *svikwembu sva nhova*²⁴, которыми, согласно поверью, распространённому среди народов Мозамбика, становятся души умерших, которых не похоронили как должно, и они бродят по лесу, нападая на путешественников [Ferreira, 2007: 340].

Таким образом, Мугану знает, что существует вероятность встретить злых духов, он

готов к встрече с потусторонним: «По времени в пути он рассудил, что это земли Мбире — они славятся колдунами и зловещими рассказами о мертвецах, которые в рассветной тишине оживают, чтобы затеряться в шумной придорожной толпе»²⁵. Однако он не испытывает страха, так как верит, что снадобье покойной бабушки делает его неуязвимым, едет сквозь лес и получает «подарок тёмной ночью на перепутье»²⁶. Загадочная девушка с ним честна: «Я оставила селение около года назад, — говорит она. — Скиталась в далёких, неведомых землях. Повидала невиданное и устала. И решила вернуться, проведать родню и друзей». — Рассказав всё как есть, она как будто огорчилась. Голос потускнел, угас»²⁷. Это очень важная информация, учитывая, что существует поверье о том, что «мир мёртвых» находится в пустыне или другом отдалённом месте, где нет людского жилья [Ferreira, 2007: 336]. Усопшему предстоит долгая дорога, поэтому в могилу часто кладут пищу или оружие, которые могут пригодиться в пути. Не будь герой таким увлекающимся юношей, он бы сразу заметил, что дар ему достался особенный.

Оказавшись в родной деревне Розы Марии, Мугану видит, как «под деревьями кажу, стоящими вокруг двора, кипят котлы, распространяя манящие ароматы, — там варят мясо и гонят водку»²⁸. Это часто практикуемая во многих общинах церемония «вторых похорон», срок проведения которой может варьироваться от нескольких недель до нескольких лет с момента смерти. «Вторые похороны» окончательно «закрывают» покойника в мире мёртвых и обычно сопровождаются поминальным празднеством [Ferreira, 2007: 328].

Ньяу — ритуальные маски народа чева

²⁴ Тсонга, язык группы банту, один из языков народов Мозамбика. — Прим. авт.

²⁵ Muianga A. Xitala mati... P. 71.

²⁶ Ibid. P. 73.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ibid. P. 75.

Деревня в Мозамбике

И наконец, почти у могилы Розы Марии Мугану встречается чёрную мамбу. Это ещё одно, уже финальное предупреждение, если вспомнить характерный для культуры многих африканских народов миф, объясняющий, почему

люди так и не обрели бессмертие. После того как создатель сотворил людей, его расстроило, что их кожа быстро покрывается морщинами и они умирают. Он решил дать людям новую кожу, тем самым одарив их бессмертием. Создатель вручил свёрток с ценным грузом своему посланцу — собаке, однако люди так и не получили щедрый дар, потому что его украли змея. Она-то и обрела способность каждый год менять кожу, став символом вечной жизни и обновления. Она же напоминает человеку о его собственной неминуемой участи [Ferreira, 2007: 294].

Эти многочисленные знаки, при помощи которых мир мёртвых общается с миром живых, должны были быть понятны герою рассказа, как и любому другому его соотечественнику. «В африканских культурах, и культура Мозамбика не является исключением, отношения между живыми и мёртвыми — это нечто очень глубинное, конкретное, осязаемое. Мы верим, что усопшие присутствуют рядом с каждым из нас, что они неуловимо влияют на ход вещей» [Tigre, 2023], — в интервью литературному порталу *Diário de ita Qawwi* Муянга объясняет, что в парадигме традиционной культуры народов Мозамбика мёртвые постоянно посещают мир живых, и это абсолютная норма, которая не нуждается в доказательствах или объяснениях.

Именно поэтому, в отличие от авторов готических новелл, которые «активно используют достижения точных и естественных наук для познания природы сверхъестественного» [Водолажченко, 2007: 32], Муянга не пытается дать рациональное объяснение происходящему. Африканские читатели «Розы Марии» в нём не нуждаются. История полностью укладывается в их традиционную картину мира: «Мёртвые — часть нашей жизни, часть нашей повседневности. Эта концепция — фундамент нашей духовности... Усопшие не исчезают из нашей духовной вселенной, они остаются с нами» [Lima, 2022: 192].

«Лицом к лицу с истинной культурой моей страны»

«Побороть этот западный стереотип, будто всё африканское — это фольклор» [Tigre, 2023] — такую задачу поставил перед собой Алдину Муянга, когда начал писать художественную прозу на неродном ему португальском языке²⁹.

Родной язык — тсонга, однако отец писателя, работавший учителем начальной школы, настаивал на воспитании детей в «португальской культурной матрице», рассчитывая тем самым облегчить им ассимиляцию в колониальном обществе. «Как бы то ни было, я впитал культуру окружавшего меня сообщества — не только в Мапуту, но и в тех провинциях, откуда были родом отец и мать. Мы ездили туда на каникулы и там говорили только на шангана (тсонга). Бабушки и дедушки не знали португальского» [Lima, 2022: 190].

Поэзия африканской повседневности побудила к первым литературным опытам: «Я увидел босую женщину с ребёнком на спине — она чистила зубы палочкой, чем-то вроде корня мулалы³⁰. Мне этот образ показался очень поэтичным, и я подумал, что должен зафиксировать эмоции, которые он пробудил во мне» [Lima, 2022: 189].

На улице Мапуту, Мозамбик.

Фото: Г. Эсканд

Чтобы начать писать об Африке на португальском, сначала пришлось очень много читать: «Я читал всё, что попадало мне в руки, ходил в городские библиотеки, передвижные библиотеки, даже в библиотеку городской управы. Читал, делал заметки и стал настоящим книжным червём, познавая секреты португальского языка» [Lima, 2022: 189].

В дальнейшем в литературной биографии Муянги важную роль сыграла профессия врача. Неиссякаемым источником *estórias* стали рассказы пациентов, коллег, знахарей и колдунов, которые позволили писателю «встретиться лицом к лицу с истинной культурой своей страны» [Tigre, 2023]. В настоящее время Муянга продолжает работать хирургом, а также преподаёт на медицинском факультете Университета Претории.

²⁹ Португальский язык, объединяя население Мозамбика, является родным только для 6 % граждан. — Прим. авт.

³⁰ Кустарник, корень которого в народе используют для гигиены полости рта. — Прим. авт.

Творческое формирование писателя довольно традиционно для Мозамбика. Из этих элементов — африканских традиций, африканской действительности и португальского языка — родилась «другая» литература, которая, по словам португальского писателя и литературоведа Пиреша Ларанжейры (José Luis Pires Laranjeira, p. 1950), «уже в силу того, что создана на европейских языках, является следствием колониализма» [Кузнецова, Мазняк, 2021: 71]. Или, иными словами, следствием того продолжающегося до сих пор процесса культурной гибридизации, который позволяет использовать язык колонизаторов для «осмысления формирующейся постколониальной идентичности» [Кузнецова, Мазняк, 2021: 71].

Для африканских писателей обращение к народной традиции есть нечто большее, чем успешная литературная стратегия, как для европейских авторов, работавших в жанре готической новеллы и нередко использовавших фольклорно-мифологические мотивы [Водолажченко, 2007: 33], чтобы окрасить inferнальное «народным колоритом».

Алдину Муянга в интервью обычно не жалуется слово «фольклор», ассоциируя его с «экзотикой, диковинкой для любопытных туристов» [Tigre, 2023]. Его «страшные истории» — это повседневность, то, что африканцы рассказывают африканцам ночью у очага с зачином *karingana ua karingana*. Они наполнены «живым бытованием культурных форм» [Дранникова, 2015: 43], узнаваемых даже в рамках игры с европейскими литературными жанрами.

Список литературы / References

Водолажченко Н.В. (2007) Фольклорно-мифологические мотивы в готической новелле Джозефа Шеридана Ле Фаню «Давний знакомый», *Вестник Новгородского государственного университета*, № 41, с. 31–34.

Vodolazhchenko N.V. (2007) Fol'klorno-mifologicheskie motivy v goticheskoi novelle Dzhozefa Sheridana Le Fanyu «Davnii znakomyi» [The folklore-mythological motives in Gothic novel by Joseph Sheridan Le Fanu «The Familiar»], *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 41, pp. 31–34. (In Russian)

Водолажченко Н.В. (2015) Особенности пространственной доминанты в готических новеллах Ч. Диккенса, *Вестник Новгородского государственного университета*, № 7(90), с. 68–71.

Vodolazhchenko N.V. (2015) Osobennosti prostranstvennoj dominanty v goticheskikh novellakh CH. Dikkensa [The Peculiarities of the Spatial Dominant in the Gothic Novellas by Ch. Dickens], *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7(90), pp. 68–71. (In Russian)

Десятова М.Ю. (2022) Мир Африки в португалоязычной литературе и трудности перевода (на примере романа Паулины Шизини «Balada de amor ao vento»), Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, с. 217–221.

Desyatova M.Ju. (2022) *Mir Afriki v portugaloyazychnoi literature i trudnosti perevoda* (na primere romana Pauliny Shiziani «Balada de amor ao vento») [The World of Africa in Portuguese-language literature and translation difficulties (by the example of the novel by Paulina Shiziani «Balada de amor ao vento»)], *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, pp. 217–221. (In Russian)

Дранникова Н.В. (2015) «Фольклор»: к вопросу об истории употребления термина и его значения в русской науке, *Труды Карельского научного центра РАН*, № 8, с. 39–45. DOI: 10.17076/hum117

Drannikova N.V. (2015) «Fol'klor»: k voprosu ob istorii upotrebleniya termina i ego znacheniya v russkoi nauke [“Folklore”: the history of the term’s use and its importance in the Russian science], *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 8, pp. 39–45. DOI: 10.17076/hum117 (In Russian)

Кузнецова В.А., Мазняк М.М. (2021) Афропортугальская постколониальная библиотека: трансатлантические перспективы, *Латинская Америка*, № 2, с. 69–78. DOI: 10.31857/S0044748X0013155-9

Kuznetsova V.A., Mazniak M.M. (2021) Afroportugal'skaya postkolonial'naya biblioteka: transatlanticheskie perspektivy [Afro-portuguese postcolonial library: transatlantic perspectives], *Latinskaya Amerika*, no. 2, pp. 69–78. DOI: 10.31857/S0044748X0013155-9 (In Russian)

Мазняк М.М. (2016) «Чёрное» и «белое» в рассказе Миа Коуту «Путешествие слезливой кухарки». Парадигматические элементы постколониального дискурса, *Древняя и Новая Романья*, № 17, с. 346–352.

Mazniak M.M. (2016) «Chjornoe» i «beloe» v rasskaze Mia Koutu «Puteshestvie slezливой kuharki». Paradigmaticheskie jelementy postkolonial'nogo diskursa. [“Black” and “white” in Mia Couto’s “A viagem da cozinheira lagrimosa”. Paradigmatic elements of post-colonial discourse], *Drevnyaya i Novaya Romaniya*, no. 17, pp. 346–352. (In Russian)

Родосский А.В. (2014) Португалоязычные литературы Африки в русских переводах, *Общество. Среда. Развитие*, № 4, с. 83–87.

Rodosskij A.V. (2014) Portugaloyazychnye literatury Afriki v russkikh perevodakh [Portuguese-language literatures of Africa in Russian translations], *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, no. 4, pp. 83–87. (In Russian)

Рязова Е.А. (1972) *Португалоязычные литературы Африки*, Москва, Наука, 263 с.

Rjauzova E.A. (1972) *Portugaloyazychnye literatury Afriki* [Portuguese-language literatures of Africa], Moscow, Nauka, 263 p. (In Russian)

Ferreira A.M.T.S. (2007) *Traduzindo Mundos: Os mortos na narrativa de Mia Couto* [Translating Worlds: The dead in Mia Couto’s narrative], Tese dedoutorado, Universidade de Aveiro, 560 p. (In Portuguese)

Lima M.L. (2022) “A morte para o africano é um conceito que tem um valor muito grande”: entrevista com Aldino Muianga [“For Africans death is a concept that has great value”: interview with Aldino Muianga], *Mulemba*, vol. 14, no. 26, pp. 188–195. DOI: <https://doi.org/10.35520/mulemba.2022.v14n26a53826> (In Portuguese)

Noa F. (1997) *Literatura Moçambicana: Memória e Conflito* [Mozambican Literature: Memory and Conflict], Imprensa Universitária, Maputo, 159 p. (In Portuguese)

Noa F. (2015) *Império, mito e miopia: Moçambique como invenção literária* [Empire, myth and myopia: Mozambique as literary invention], São Paulo, Kapulana, 376 p. (In Portuguese)

Noa F. (2017) *Uns e Outros na Literatura Moçambicana: Ensaaios* [Some and Others in Mozambican Literature: Essays], São Paulo, Kapulana, 152 p. (In Portuguese)

Tigre M.P. (2023) Aldino Muianga: o escritor das gentes entre a tradição e a subversão ficcional [Aldino Muianga: the writer of the people between tradition and fictional subversion]. *Diário de uma Qawwi*. 24.01.2023. URL: <https://diariodeqawwi.com/2023/01/24/aldino-muianga-o-escritor-das-gentes-entre-a-tradicao-e-a-subversao-ficcional/> (accessed: 20.07.2023). (In Portuguese)

Xavier L.G. (2022) *Ecoss de Moçambique: um século de José Craveirinha*, São Paulo, Editora Edgard Blücher Ltda, 268 p. (In Portuguese)